

Жемчужина мира

Если что и было на выставке волнующее (помимо ошеломляющих рисунков и завораживающих полотен), так это — последовавшее после речей сонма довольных спонсоров выступление одного седобородого литератора, окончившееся судорожными рыданиями. Как-то именно в этот миг в конференц-зале галереи стало ясно, что навсегда ушла бытовая жизнь умершего 13 лет назад знаменитого живописца: все эти ночные сидения на кухнях, выпиванья в подворотнях и мастерских, рисование с похмелья бог знает чем и бог знает на чем. Иссажки брызги краски, смешанной с винными разводами, остались только ряды полотен и рисунков. По-смертная поздняя выставка в Третьяковке — чего же больше! Последний довод, последние слезы современников. А жизнь былая прошла.

О даровании Зверева говорили в Москве давно. Дарование это, возвращенное Румневым и Костаки, взлелеяно и Ксенией Асеевой... Три десятилетия назад — как же бежит время! — юношей я пришел в дом вдовы Николая Асеева. Явился в качестве сценариста учебного фильма о поэте. Засмотрелся на картины, висевшие по стенам во множестве. Хозяйка сурово и важно сообщила, что это — работы гениального художника Зверева. На некоторых была изображена она сама. В натуре, однако, Ксения Михайловна была более чем пожилой дамой с темными пигментными пятнами на коже.

Но ведь именно ей были посвящены стихи поэтов, даже великого Хлебникова, которым я бредил. Стихи Асеева наконец:

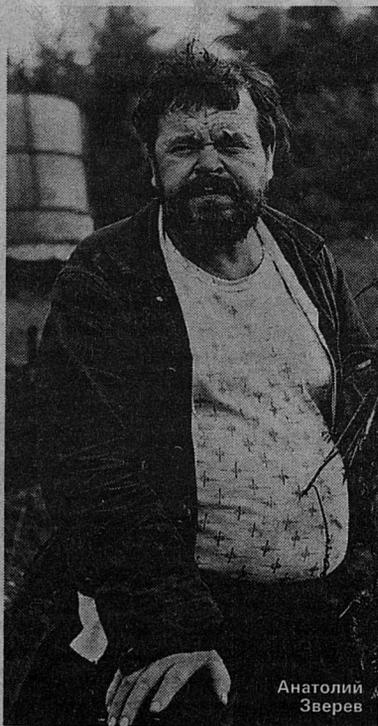
Оксана! Жемчужина мира!

Я, воздух на волны дробя,
на дне Малороссии вырыл
и в песню оправил тебя.

Признаться, я и сейчас не понимаю, на каком «дне» Малороссии надо было «вырывать» одну из прельстительных сестер Синяковых; семейство было высококультурное и, кажется, обеспеченное. Но поэты и живописцы в творчестве так преобразуют своих героинь.

Вспомним, что «Царь-девица» Врубеля — перестроенный портрет его жены, такой странной и некрасивой на фотографиях и вдруг превращенной в неземную красавицу. Но, в первых, непонятным образом сходство сохранено, а, во-вторых, Михаил Александрович скорей всего и видел свою жену именно такой красивой. Что касается Зверева, то он, не лишив Ксению Асееву ее ощутимого возраста, даровал ей какую-то мучи-

В Третьяковке,
в Инженерном
корпусе, — выставка
Анатолия Зверева.

Анатолий
Зверев

тельную и могуче-всевластную прелесть. Переместил в такую сферу бытия (или инобытия), где времени как бы вообще не существует. Или там оно — незначущая подробность.

Имя Врубеля упоминается, конечно, не только для данного сравнения. Разумеется, Зверев его любил (хотя главные его учителя все же пребывали, надо думать, в возрожденческой Италии и в импрессионистическом Париже). Врезающиеся в память зверевские иллюстрации к поэме Лермонтова «Мцыри» необыкновенно самобытны. И все же выполнены не без некоторой оглядки на то, что все-таки был и врубелевско-лермонтовский «Демон». Известно, что Зверев писал стихи и любил поэзию. Прежде всего это была именно поэзия Лермонтова. Более гармоничного и якобы «официального» Пушкина художник невзлюбил — его дело. А надо ли выбирать? Но это был выбор! И отсюда же, как справедливо заметил искусствовед, случаи «промахов вкуса, компромисов с миловидной красотостью».

Однако красоты малость, зато много здесь истинной и недолимой, иногда грозной, огнеопасной красоты. Красив и сам мастер на автопортретах. Похож, между прочим, на того же Лермонтова. Если бы только

Михаил Юрьевич был так же большеглаз, да еще пожил бы подольше. Выставка грандиозна. Один блестящий рисунок усиливается другим рисунком, уже чертовской, нечеловеческой силы. Собрание полотен сплочено как бы одним порывом. Есть установленное мнение, что молодой Зверев был велик, а потом исхлестурился. Но и ряд поздних работ стоит на большой высоте, и в них возникает новое качество... Запоминается пейзаж с иссиня-зеленым лесом и рассветным (или закатным) солнцем. Обычно такое рискованное сочетание цветов выходит у художников как-то грубовато. Но Зверев сообщил оттенкам некую воздушную нежность.

Необходимо назвать организаторов выставки — Полину Лобачевскую и Елену Юреневу. В сопроводительном каталоге — две блестящие статьи о художнике, одна принадлежит Александру Якимовичу, другая — Елизавете Плавинской. Что же касается самого каталога, то отбор не совсем безупречен: все же из четырех портретов Натальи Шмельковой, представленных на выставке, в него мог бы попасть хоть один (а хороши все!). Некоторые из заключительных работ не кажутся выдающимися... Обидно, когда в деле участвует свой расчет и превозмогает ревность... И все же не это главное. Важнее уровень мастерства и уровень признания.

Разными были судьбы этих работ, принесенных на выставку владельцами частных коллекций. Вдруг я вспомнил, как моя покойная приятельница, незабвенная Майя Луговская, с которой всегда происходили чудеса, шла по тихому кладбищу и увидела цементирующих надгробие рабочих в брезентовых робах. Бадью с цементом они прикрывали великолепной картиной Зверева, которую подобрали под соседним памятником. Луговская купила ее за бутылку водки и благоговейно повесила в своем доме.

...Вот он — на открывающей каталог большой фотографии: закручивившийся, одуловатый, с глубоко посаженными глазами, похожий на бобыля-гитариста с картины передвижника. На столе — чайничек и наполовину налитый граненый стакан, в котором, возможно, не чай. А дальше — репродукции графики и картин, живущих своей жизнью, которая сливается с его славой.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ